

CARNIVAL POLITICAL CULTURE: A PICNIC ON THE SIDELINES OF MEDIEVAL HISTORY

Paul L. Karabushenko

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. E-mail; Pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

Carnival political culture created many caricatured medieval chimeras, consisting of ridiculous politicians, deranged preachers, unlucky and false clergy, odious personalities, artificial states, manic sects, etc., which may have had a vivid form but at the same time possessed completely incomprehensible content. The behavior of many political officials of that time did not correspond to their officially established or actually established norms in this society, stereotypes of behavior patterns. Deviation became the main feature of the carnival political culture. Deviation gave rise to absurdities, too much to be ignored. Absurdities arose at the dynastic level, and in the ruptures of cultural, ethnic and confessional values, and in popular revolts. What a modern man perceives as absurdity, a man of the Middle Ages could not pay any attention to it at all. And vice versa - he could be surprised by something that, in principle, can be completely incomprehensible to us.

Religious fanaticism and obscurantism predetermined the Gothic worldview of that era, filled with all kinds of fables, gargoyles and chimeras. And all this was at the same time the context of the political carnival, and at the same time filled it, becoming those invisible threads by which the puppeteers pulled their puppets. Much in the carnival political culture was associated with the debauchery and debauchery of the top officials of states, churches (sects), and various kinds of professional corporations. This work is devoted to the analysis of these anomalies.

Keywords

carnival; carnival political culture; debauchery; laughter; parody; political myth; mythologization; falsification; elite; chivalry; ideals; vices

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Карабущенко Павел Леонидович

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail; Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Карнавальная политическая культура создала немало карикатурных средневековых химер, состоящих из нелепых политиков, невменяемых проповедников, неудачливых и ложных слугителей культа, одиозных личностей, искусственных государств, маниакальных сект и т.д., и т.п., что может быть и имели яркую форму, но обладали при этом совершенно непонятным содержанием. Поведение многих должностных политических лиц того времени не соответствовало их официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам, стереотипам образцов поведения. Девиация и становилась главным признаком карнавальнoй политической культуры. Девиация порождает нелепости, слишком много, чтобы этого можно было не замечать. Нелепости возникали и на династийном уровне, и в разрывах культурных, этнических и конфессиональных ценностей, и в народных бунтах. То, что современный человек воспринимает как нелепость, на это человек средневековья мог вообще не обратить никакого внимания. И наоборот - его удивить могло то, что нам в принципе может быть вообще непонятным.

Религиозный фанатизм и мракобесие предопределяли готическое мировоззрение той эпохи, наполненное всевозможного рода небылицами, горгульями и химерами. И все это одновременно являлось и контекстом политического карнавала, и в то же время наполняло его, становясь теми незримыми нитями, за которые кукловоды дергали своих марионеток. Многие в карнавальнoй политической культуре было связано с распутством и развратом первых лиц государств, церковей (сект), и различного рода профессиональных корпораций. Анализ этих аномалий и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова

карнавал, карнавальная политическая культура, разврат, смех, пародия, политический миф, мифологизация, фальсификация, элита, рыцарство, идеалы, пороки

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Западноевропейское средневековье – мир бесконечных молитв и жестоких религиозных войн, мир феодальной иерархии и университетской схоластики, инквизиции ортодоксов и еретиков (инакомыслящих), мир непознанной объективной реальности и познанных фантазий. Вера и суеверия шли рука об руку, порой рождая причудливые комбинации, далекие от объективной реальности, но зато близкие к карнавальной политической культуре. Практики, основанные на этом виде политической культуры, всегда отличались своей импульсивностью, абсурдностью и гротесковостью.

Для того, чтобы морально унижить своего политического противника, политики в его адрес начинали использовать особую терминологию, отсылающую нас к карнавальной политической культуре, называя их «шутами», «клоунами», «циркачами» и т.д., и т.п. И для этого были весьма веские основания. В те времена многие наделенные политической властью лица, занимались чем угодно, но только не исполнением своего политического феодального долга. Их девиация (от лат. *deviatio* - отклонение) и становилась тем зародышем, из которого в последствии и выросла карнавальная политическая культура, из которого буйно цвел политический карнавал. Для таких деятелей политика была не суровой реальностью, а некой игрой. Во всяком случае, они ее именно так и воспринимали. Некоторые игры своего детства политики переносили во взрослую жизнь, полагая, что им удастся играть в них всю жизнь до самого ее конца. Кто-то баловался карнавальностью с избытком, и получал от него удовлетворение и определенную выгоду, кому-то она принесла разочарование, страдание и постыдный конец. Понимаемая как игра, карнавальность становится не просто составной частью обыденности, но и высшим смыслом их жизни. Индивиды начинают играть некие роли, которые оказываются для них главными, главнее, чем их настоящая жизнь. Раз одев маски, они их уже более не снимают. Они так в них и остаются и в жизни, и в истории. Маска - это способ скрыться от самого себя, сокрыть в себе свою реальность. Именно бегством от реальности мы и должны рассматривать политический карнавал, сознательный уход в параллельные миры, в кроличьи норы истории.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАРНАВАЛА

В наше время при описании карнавальной политической культуры используются такие образы-понятия, как «политический цирк»,

«театр абсурда», «политический аттракцион», «сумасшедший дом», «паноптикум», «кунсткамера» и т.д. Понятно, что средневековые таких выражений еще не знало, но косвенно намекало на то, что перед нами самый настоящий политический карнавал. Политический карнавал - это когда в политике начинают проступать и действовать правила уличного народного карнавала; когда политик теряет связь с реальностью, и становится марионеткой кукловодов, которыми могут выступать скрытые от публики силы (как неизвестные люди, так и непреодолимые силы и обстоятельства).

История происхождения карнавала темна и потому спекулятивна. Традиционно карнавал понимается как связанный с переодеваниями, маскарадами и красочными шествиями праздник, ежегодно отмечающийся перед Великим постом и сопровождающийся массовыми народными гуляньями, с шумными уличными шествиями и яркими театрализованными представлениями. «Карнавал - явление древнее и необычайно многостороннее. Он многолик, словно индуистское божество, ибо соединяет в себе этос и жанровые образования языческого ритуала и церковного действия, многовековые традиции шутовства и изустной литературы, площадного зрелища и древнейших форм театра. Карнавал - сам по себе ритуальный театр, творимый народом на улице, но карнавал, с мощным полем его игровых и изобразительных форм, - также неотъемлемый элемент современного театрального мироощущения» (Колязин, 2002, стр.88).

В Западной Европе карнавал шел из Северной Италии через Францию в Германию. Его истоки, очевидно, восходят еще к римским языческим сатурналиям. Впервые в средневековье (XII в.) он появляется в независимых итальянских городах-республиках (Венеции),¹ в качестве народно-религиозного праздника. Время его возникновения совпадает с появлением в этом же регионе первых университетских школ. Студенческая корпорация могла участвовать в этих празднествах и карнавал мог являться студенческой пародией на клерикализм, столь заметный например, в поэзии вагантов.

Намеки на то, что изначально карнавал мог быть языческим осмеянием клерикализма, содержатся во многих церковных запретах участвовать в них или даже их смотреть.² Но пародия на клерикализм лишь

1 Известно, что первое упоминание карнавала в Венеции датируется 1094 г. По другой версии, первый раз карнавал был проведен здесь еще в 998 г., когда молодые венецианцы сумели вернуть своих невест, похищенных пиратами из Истрии. В 1162 г. в честь победы над патриархом Аквилеи Ульрихом началось народное гуляние на площади Сан-Марко и с этого времени карнавал становится ежегодным. До XIII–XIV вв. масок на карнавалах не носили (Johnson, 2011, p.36-39).

2 Так, «настоятель бенедиктинского монастыря Регино фон Прюм в своих проповедях 900 г. строжайше запрещал монахам смотреть "мерзкие развлекательные сцены" с медведем и

часть общего карнавального действия. Причем пародия вполне легальная и допустимая самой церковью. Это значило, что в ней не должно было быть прямого оскорбления церкви, Ведь все всё равно оставались ее ревностными прихожанами, а для особо буйных была приготовлена инквизиция, которой было не до карнавального веселья.

Как совокупность всех годовых праздников, карнавал фрагментарно (с перерывами на будни) продолжался от Святков (декабрь) до Праздника урожая (октябрь). Это расширенное понимание карнавала. «Карнавал в узком смысле слова, как его принято рассматривать в немецкоязычной традиции, - фастнахт или фашинг (Fasching) - празднества, происходящие в течение шести "жирных дней", предшествующих Пепельной среде (Aschermittwoch), началу Великого поста – Квадрагинте. Ежегодно в феврале, начиная с четверга и кончая вторником следующей недели, толпа веселых ряженных совершала множество шутовских обрядов, попирающих все нормы христианского и общественного порядка. Шуты и шутство как выражение крайней свободы поведения и творчества правили в эти дни средневековым городом» (Колязин, 2002, стр.88).

В церковных традициях раннего средневековья были обычаи, основанные еще на воспоминаниях об античных сатурналиях, на Рождество устраивать празднества, во время которых устраивались новогодние пени и танцы – вполне безобидные *tripudia* (пляски) священников, младшего духовенства, детей и младших дьяконов. Для проведения торжеств выбирался *episcopuspuerorum* (детский епископ), которого облачали в епископские одежды и отправляли с визитом к настоящему архиепископу для раздачи благословения толпе. «К концу двенадцатого столетия танец младших дьяконов уже вырожден в *festumstultorum* (праздник дураков). Хроника за 1198 год говорит, что на празднике Обрезания в соборе Парижской богородицы было совершено «такое множество непристойностей и позорных дел», что святое место было осквернено «не только бесстыдными шутками, но даже и пролитием крови». Напрасно папа Иннокентий III яростно выступает против этих «безумных насмешек над клиром» и «бесстыдного неистовства их представлений» (Юнг, 1999, стр.267-268).¹

предаваться таким дьявольским занятиям, как ношение демонических масок» (Колязин, 2002, стр.98).

1 В XV столетии парижский Теологический факультет всё ещё боролся с подобного рода празднествам, на которых «даже священники и клирики выбирали архиепископа, или епископа, или папу и называли его папой дураков (*fatuorumparum*)». «Посреди божественной службы люди в гротескных масках, в обликах жен, львов и фигов исполняли свои пляски, распевали хором непристойные песни, ели жирную пищу на алтаре, рядом со священником, служащим мессу, играли в кости, жгли вместо благовоний в кадилльницах смердящую башмачную кожу, скакали и носились по всей церкви» (Du

В России аналогом западноевропейского карнавала является масленица. Побывавший в Москве при Иване Грозном иностранец, писал: «Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется... Карнавал тем только отличается от Масленицы, что в Италии день и ночь в это время ходит дозором конная и пешая городская стража и не позволяет излишнего буйства; а в Москве самые стражи упиваются вином и вместе с народом своевольствуют» (Белкин, 1975, стр.5). Ключевым словом в этом описании русского карнавала является слово «своевольствие». Народ получал свободу действия, которая не распространялась на политику (власти), а лишь касательно ее затрагивала. Масленицу отмечали все – и власть, и народ. Праздник на время всех уравнивал, стирал (но не отменял) социальные дистанции.

По всей вероятности традиция карнавала восходит к истории «корабля дураков».¹ Со временем территория корабля, где правил парад шутов, распространился и на город, который на время отдавался в распоряжении бутафорской глупости. Карнавал носил ограниченный во времени характер. Это было время гротескно-сатирических персонажей. И самым главным сатирическим «персонажем» были выборы – выборы карнавального короля и его подручных.

Карнавал позволял устраивать выборы там, где они были крайне редки или их вообще не было. В каком-то плане он имитировал выборы и становился неким клапаном, через который властимущих выпускала пар социального напряжения. С другой стороны, карнавал позволял людям нетворческих профессий проявить свои таланты в сфере народного искусства. Здесь каждый был сам себе творец. Каждый создавал сам себе свое новое лицо-личину. На карнавалах развлечения носили подчас весьма диковатый характер. Народ изгалялся и развлекался, как мог.²

Было замечено, что находящиеся на грани реальности и фикции исторические факты, приобретают черты и свойства карнавальной культуры – спекулятивность историй, примитивные байки о предках,

Cange, Gloss. Med. Et Inf. Lat., 1733, p. 1666) (Цит. по: Юнг, 1999, стр.268).

- 1 Во время праздников по средневековым западноевропейским городам курсировали повозки с шутами. Такая традиция уходила в глубокую древность, к языческим обычаям: «В 1133 году кельнские ткачи таскали по городу повозку с шутами. В 1235 г. прибывшей в Кельн Изабелле Английской, будущей супруге императора Фридриха II, оказывала почет повозка с 22 монахами-шутами, строившими гримасы и учинявшими прочие шалости» (Колязин, 2002, стр.104).
- 2 Развлечения были действительно весьма дикими. Так, «Кельхоффская хроника» под 1498 г. описывает сцену, когда пятерых слепых одетых в тяжелых латах и вооруженных тяжелыми дубинками, «бросали за решетку, в которой металась привязанная свинья, которую слепые должны были прикончить. Слепые поколачивали чаще всего друг друга. Зрители реагировали соответствующим образом» (Колязин, 2002, стр.103).

«глубокомысленные» нравственные притчи и т.д.¹ Авторы словно «играют» с историей, на свой лад добавляя ее своими домыслами. Именно эти фантазии и есть карнавальность исторического времени. Реальность добавляется сюрмом, который заполняет пустоты исторических страниц. Реальная история оказывается перемещенной в «подземелье», а карнавальная выпущена на авансцену.

Особенностью карнавала было то, что у него не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Он по природе своей был неисторической сущностью. И этим карнавал напоминал средневековую поэзию, которая имела «точечное», или «скачкообразное» восприятие времени (Гуревич, 1994, стр.151).

Мы позволили себе столь подробно остановиться на истории средневекового карнавала для того, чтобы было понятно, откуда берет свои истоки политическая карнавальная культура того времени.

КАРНАВАЛЬНОСТЬ БЫТА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭЛИТЫ

Повседневность средневековой элиты была полна различных игровых моментов, этикетных формальностей и этических куртуазных условностей. Постоянно случались и фиксировались хрониками скандальные и комические истории с лицами, принадлежащими к высшим слоям общества. Некоторые истории с римскими папами и антипапами обладают всеми признаками классического политического карнавала. Причем распределение на истинных папа и антипапа настолько субъективно, что объясняется порой простыми симпатиями и антипатиями католической клиры и политической римской публики.² Благочестием в те времена чаще всего отличались на словах, чем на деле.

Еще известный российский медиевист Арон Яковлевич Гуревич (1924 - 2006) обратил внимание на то, что в средневековых западноевропейских нравоучительных примерах («*exempla*») народного христианства восприятие и понимание сверхъестественных сил (как святых, так и демонов) носит скрытый карнавальный характер. Особенно

1 Примечательная в этой связи «Циммернская хроника» - история рода графов фон Циммерн (*Chronik der Grafen von Zimmern*), которая начинается с ряда фиктивных историй, преследующих цель показать древность этого рода. Согласно этим басням, фон Циммерны происходили, с одной стороны, от кимвров, а с другой — от римского патриция, насильно переселённого Карлом Великим в Шварцвальд. Более или менее достоверная история у них возникает лишь с середины XIII в. (Bastress-Dukehart, 2002).

2 Например, в римско-католической церкви есть такое явление как антипапа. Всего со II по XV вв. на римском престоле было 42 антипапа. Обычно вопрос о том, кто из претендентов, одновременно оспаривавших папский сан, являлся законным папой, а кто — антипапой, решался уже после исторической «победы» приверженцев одного из них. При жизни все антипапы были уверены в том, что они настоящие римские папы... (Черняк, 1991).

это видно тогда, когда в представлениях человека горний и земной мир не просто соприкасаются, а сливаются в общей логике развития. «Сакральные силы в «примерах» весьма далеки от принятого идеала» (Гуревич, 1990, стр.140). И святые, и демоническая нечисть становятся карнавальными персонажами, начинают вести себя в измененном сознании простолюдинов как их ближайшие соседи, наделенными всеми чертами и свойствам, присущими их культурной среде (Гуревич, 1990, стр.137-139). В историях «exempla» встречаются и откровенные карнавальные скабрёзности, превращающие церковную проповедь в балаган, переворачивая всё и всех вверх дном – когда бесы мечтают о царстве небесном и служат мессу, а святоши ведут себя так, что им остается одна только дорога – в ад (Гуревич, 1990, стр.142-143).

Осмеяние церковных догматов иногда приносило неожиданные результаты. Византийский богослов XIV в. Николай Кавасила (1322 – 1398) рассказывает историю блаженного Порфирия Эфесского (ум.361), который с детства был лицедеем и крестился «для шутки в игре», т.е. на театральной сцене. Он «был комедиантом и, занимаясь сим делом, ...дабы возбудить смех, ...представил на зрелище крещение, и крестил самого себя, сойдя на театре в воду и провозгласив Троицу. Одни смеялись, коим казалось сие театральным представлением, а для него произошедшее было не смех и не тень, но истинное рождение и воссоздание и то самое, что составляет таинство. Ибо вместо комедианта вышел имея душу мученическую... и так возжелал Христа, что, претерпев многие мучения, умер с радостью...» (Николай Кавасила, 1874, стр.51). Описанный здесь случай самокрещения, пожалуй, единственный в истории. Мы видим, как человек, который занимался многократным глумлением над христианскими таинствами, сам становится на сцене ревностным христианином.

Жизнь королевских дворов воспринималась посторонним наблюдателем как вечный праздник, который резко отличался от суровых буден безмолвствующего большинства. Эти контрасты восприятия (по разлому изобилие – нищета) порождали иллюзии, вызванные различием этих двух миров – мира верха и мира низа. Придворный этикет уже представлял собой определенный свод правил игры в благородство. «Строгие правила придворного церемониала позволяли самым знатым династиям некую «фамильярность» с императором, в особенности во время пиров в Золотой палате; в соответствии с тем рангом, который занимал каждый из них в придворной иерархии, их рассаживали за столом ближе к императору или дальше от него. Византийцы буквально бредили строжайшим кодексом этикета...» (Каплан, 2002, стр.33-35). Но этот придворный бред был не только при двор-

це византийских императоров, - он носил повсеместный характер. Бред – это не только бредовые идеи и подстать им поступки. Это еще бесконечная игра в символы и образы, которые носят мнимую значимость и тем самым распределяют всех по иерархической лестницы феодального бытия.

Другая сторона карнавальных историй связана с половыми непристойностями. Половые извращения в ритуальных целях фиксировались еще со времен архаики и тогда не считались чем-то аморальным. Другое дело, когда эта архаика начинает проявлять себя (и порой в весьма активной форма) в иных культурно-исторических средах. Французский историк Ги Бретон (*Guy Breton*: 1919 – 2008) своим многотомным трудом «*Histoires d'amour de l'histoire de France*» (1954-1965 гг.) стремился доказать, что главным двигателем всех великих мировых событий является любовь – она управляет и королями, и аристократами, и борющимися с ними революционерами. В истории Франции его в первую очередь интересовали курьезные и юмористические истории любви (преимущественно половых отношений), которая переплеталась с высокой политикой и влияли на высшие государственные интересы (Бретон, 1993-1994). По настоящему его труд следовало называть не «Истории любви в истории Франции», а роль секса в урегулировании межэлитных политических отношений. История Ги Бретона это, по сути, альтернативная история Франции, представленная в карнавальных традициях современности.

Успех или неудача многих правителей напрямую зависели от того, насколько серьезно они относятся к выполнению своих прямых политических обязанностей. Многие монархи просто отказывались заниматься государственными делами, передоверяя их своим советникам, а сами развлекались всеми возможными способами. Так, например, один из самых неудачных королей Англии (1307 - 1327) Эдуард II развлекался в обществе своих шутов и шести десятков обнаженных танцовщиц (Мортимер, 2018, стр.351). Доразвлекался до того, что был свергнут и умерщвлен собственной женой и ее любовником (о нетрадиционной ориентации самого короля при его дворе ходили самые скабрезные истории).

Из подобного рода примеров мы видим, что политический карнавал - это имитационная политика, в риторике которой теряется предметность, смысл и суть политики как общественно значимой проблемы. Карнавальность в политике проявляется в том, что элиты не могут четко определить повестку дня. Подобного рода политиканы выключали из процесса настоящих политиков, усиливая своим присутствием элементы карнавальной политической культуры. Суть элиты как раз и

заключается в том, чтобы не только определять, но и навязывать всем свою повестку дня. Такие элиты даже не осознают глубину переживаемого ими момента, а были только сфокусированы на себе, по праву избранности своего рождения. У них даже не было понимания того, что они были на грани фола. Когда ситуация все-таки взрывалась, такие элиты погибали не успев отрефлексировать себя на страницах своей истории. Это люди, которые не справились со своими функциями, поскольку упали в обрыв истории. Они уткнулись в стену краткосрочных выгод, но утратили нити стратегического управления и планирования.

Принцип наследственной власти весьма часто выдавал откровенные сбои в селекции элит, что порождало различного рода отклонения и откровенно авантюристические тенденции в руководстве государством. Отрицательная селекция власти как раз и порождала те самые политические фигуры, которые и устраивали политические карнавальные шоу. Менталитет средневекового политического карнавала – делай что хочешь, только не посягай на социальные устои. Все категории этого типа карнавала ложные: шут (дурак может оказаться мудрецом), «бобовый король» (ложный лидер), марионетки (куклы), шабаш (неконтролируемые действия) и т.д., все это может быть в любой момент отменено, перевернуто, запрещено... В политическом карнавале все не правы, потому что у всех своя правда, которая обнуляется другими правдами. Но самое главное – здесь все осмеивается, даже святость. Здесь нет ничего святого.

Природа политического карнавала держится на противоречии контрастах. Призыв к соблюдению религиозно-этических догматов, порождал в западном средневековом обществе готические умонастроения (весьма мрачные кладбищенские переживания), а стремление преодолеть кризис психического перенапряжения сил, толкал к карнавальным культурным традициям. Именно на стыке этих двух противоположностей и возникал смерч вертепа непредсказуемости, то что уже в наше время назовут эффектом «черного лебедя».

Излюбленной темой средневековой карикатуры было изображать правителя в виде осла. Английская народная пословица того времени гласила: «Невежда на троне есть осел в короне» (Вильям Мальмсберийский, 1970, стр.401). Изобразить «осла в короне» в образе благородного и мудрого правителя, а настоящего короля представить в виде «осла на троне», является не просто атрибутом исторической политической фальсификации, но и явным признаком наличия в этом обществе и в это время карнавальной политической культуры. Фальсификация является искажением истории. Политический карнавал есть искажение политики. Когда они объединяются, возникает то, что мы называем ко-

ролевством кривых зеркал. Многие политические национальные истории на самом деле являются не достоверностью прошлого, а отражением их карнавальности.

Символом карнавальной политической культуры может стать и другая карикатура - карикатура на ослика с морковкой. Основным постулатом этого символа таков - ослик упрям, и на него не действуют никакие силы (ни наказания, ни уговоры, ни пример других осликов). Только персональная морковка, висящая перед ним, может заставить его отправиться в путь. Но эта морковка - суть обмана, с помощью которого кукловоды ослика заставляют поступать в их интересах. Этот образ многократно обыгрывался в истории. В том числе и в политической истории. Наряду с козлом отпущения, это один из самых популярных образов в карикатуре политического карнавала. В погоне за достижениями участники политического карнавала могут многократно меняться местами – быть то осликом, то морковкой, то тем, кто этой морковкой ослику дразнит. Ослы политического карнавала всегда устремлены вперед за морковкой. При этом, что может быть морковкой для осла, персонально зависит от особенностей каждого осла...

«КИПРИАНОВ ПИР»

Известная анонимная средневековая ритмическая проза на латинском языке «Вечеря Киприана» или «Киприанов пир» (лат. *Sena Surgiani* или *Soena Surgiani*) (Гаспаров, 1975, стр. 586-590, 355-365) основана на идеи «вывороченной Библии» и представляет собой мессу в образах бестиария, в виде карнавальной фривольности. По замыслу анонима «перевернутый мир» смеховой культуры способен не только объяснять, но и генерировать реальность: кажущийся хаос организуется при помощи сатиры (Лотман, 2000, стр.659). В 877 г. произведение было переложено в стихи бенедиктинским монахом Иоанном Диаконом (*Johannes Diaconus*, ок.825 - 882). Наиболее непримиримые клерикальные круги считают «Киприанов пир» глупым пасквилем на Библию, кощунством над святостью.

По сюжету некий царь Иоиль справляет брачный пир в Кане Галилейской (*Матфей, XXII, 1–14*). На этот его грандиозный праздник сходятся действующие лица Библейской истории от Адама и Евы до Христа и апостолов. При этом аноним использует весьма неожиданные образы. Так, например, Ева садится на фиговый лист и в качестве блюда ей преподносят ребро, а после завершения пира, Пилат приносит воду для омовения рук – царь Давид играет на арфе, Иродиада пляшет, а Иуда раздает всем поцелуи, а Петру (после пира) не дают заснуть петухи... Христу подается изюмное вино, так как оно называется «*passus*»

(Спаситель претерпел «passio» - т. е. страсти). По такому же принципу построены и все остальные моменты этого гротескного праздника.

Не обошлось в этой истории без традиционного для карнаваль-ной культуры переодевания: «А как уже расходились они восвояси, оборотился к ним царь и молвил: "Отныне и впредь день сей свадеб-ный торжествуйте и празднуйте, ныне же перерядитесь и ряжеными отыдите". Таковая воля царская всем была угодна, и вот [все] переря-дился» (*Киприанов пир*, 15). Здесь вновь используется прием от обрат-ного – персонажи «переодеваются» в то, кем они были на самом деле, т.е. возвращают себе истинный вид и подлинную сущность.

На следующий день все приносят хозяину подарки: Моисей - Скрижали, Илья – колесницу, Самсон – льва, Христос - ягненка и т.д. Затем выясняется, что во время пира многое было украдено и начина-ется следствие и допрос с пристрастием всех гостей. Было доподлинно установлено, кто что украл, но жестоко казнены были совершенно дру-гие персонажи этой истории (*Киприанов пир*, 17-18). Конструируя подобные сюжетные переходы, аноним играет в абсурд со смыслом. Он не столько высмеивая библейских персонажей, сколько играя в перевернутые смыслы. Поэтому правы, скорее всего, были те критики, кто не видел в этом произведении злобную пародию, а лишь усматри-вал гимнастику сатирически настроенного ума, нацеленного на вы-смеивания отдельных людских пороков.

М.М. Бахтин отмечал, что аноним «делает грандиозную выборку не только всех пиршественных, но и вообще всех праздничных об-разов из Библии и Евангелия. Он объединяет все эти образы в гран-диозную и полную движения и жизни картину пира с исключитель-ной карнавальной, точнее говоря, сатурналиевой свободой» (Бахтин, 1990. стр.317). По мнению российского исследователя, «Киприанов пир» — «абсолютно свободная игра со всеми священными лицами, ве-щами, мотивами и символами Библии и Евангелия. Автор этой игры ни перед чем не останавливается. Страдания Христа по чисто словес-ному сходству влекут для него необходимость пить изюмное вино; все священные лица оказываются ворами и т. п. Причудливость соседств и неожиданность сочетаний священных образов поразительны; с подоб-ными мезальянсами может соперничать только Рабле. Все Священное писание здесь закружилось в каком-то шутовском хороводе. Страсти бога, Ноев ковчег, фиговый листок Евы, иудин поцелуй и т. п.— превратилось в веселые подробности сатурналиева пира» (Бахтин, 1990. стр.318).

В целом данный текст представляет собой игру в символы. Причем смешно должно быть тем людям, которые эти символы знают,

т.е. знакомы с текстом священного Писания. В то время (а время создание этого текста истории литературы так и не смогли установить – что-то между V и VIII столетиями) данный текст читали только просвещенная элита, тогда как массам он был знаком только на слух.

В качестве конкретной карнавальной политической истории, получившей весьма яркое историческое описание, являются тайные страницы правления византийского императора Юстиниана I (527-565), благодаря которому мы знаем не только, что в реальность представлял собой карнавальный политический персонаж, но и то, как видели и оценивали его ближайшее окружение.

«ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ» ПРОКОПИЯ КЕССАРИЙСКОГО

За блеском и помпезностью Византийской империи времен наивысшего расцвета её могущества скрывалась трагикомическая история политического карнавала. Прокопий Кессарийский фактически рисует не одного, а сразу двух императоров, которые сидели в одном человеке по имени Юстиниан. И именно эти двою и руководили вертепом политического карнавала. При этом, чем больше Прокопий описывает царивший в жизни венценосцев разврат, тем всё ярче становился его карнавальный стиль описания этой тайно страницы византийской истории.

Уже в самой мотивировки Прокопия побудившей его начать писать «Тайную историю» содержатся все объяснения его отношения к этой истории: «пока были живы вершители этих дел, я не мог описывать их должным образом. Ибо невозможно было мне укрыться от множества соглядатаев, а если бы я был изобличен, не избежать мне было бы самой жалкой смерти. Ибо даже на самых близких родственников я не мог положиться. Более того, я был вынужден скрывать причины и многих из тех событий, которые были изображены мной в прежнем повествовании. Поэтому я считаю своим долгом рассказать в этой книге о том, о чем доселе не было сказано, и раскрыть причины уже описанного мной» (*Тайная история, 1, 2-3*) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.316). Сам автор испытывает самый настоящий шок, собираясь описывать эти чудовищные подробности из жизни венценосных особ: «я дрожу от страха и испытываю желание отступить от него, стоит мне лишь помыслить, что то, о чем я ныне собираюсь написать, покажется будущим поколениям невероятным и неправдоподобным, особенно, когда неумолимый ход времени сделает молву совсем древней. Я боюсь, как бы я не заслужил славу мифотворца и не был бы причислен к поэтам-трагикам» (*Тайная история, 1, 4*) (Проко-

пий Кесарийский, 1993, стр.316). Прокопий сам характеризует эту историю как постыдную и порочную.

Император Юстиниан и его супруга Феодора оказались главными развратниками своего времени. Именно благодаря распутству их абсолютной власти и возник в Византии эффект политического карнавала. Именно благодаря таким византийским правителям за Византией закрепилась дурная слава страны коварства и обмана. «Был он одновременно и коварным, и падким на обман, из тех, кого называют злыми глупцами. Сам он никогда не бывал правдив с теми, с кем имел дело, но все его слова и поступки постоянно были исполнены лжи, и в то же время он легко поддавался тем, кто хотел его обмануть. Было в нем какое-то необычное смешение неразумности и испорченности нрава. Возможно, это как раз и есть то явление, которое в древности имел в виду кто-то из философов-перипатетиков, изрекая, что в человеческой природе, как при смешении красок, соединяются противоположные черты» (*Тайная история*, 8, 22-24) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.343). Прокопий честно признается, что он пишет о нем и не может сам до конца понять, что именно он описывает? Деяния этого правителя оказываются поту сторону его понимания.

Не отставала от него в степени развратности и его супруга Феодора. В молодости она была блудницей и выступала в цирке с различного рода развратными представлениями. «Она присоединилась к мимам, выполняя всяческую работу по театру и участвуя с ними в представлениях, подыгрывая им в их потешных шутовствах. Была она необыкновенно изящна и остроумна. Из-за этого все приходили от нее в восторг. У этой женщины не было ни капли стыда, и никто никогда не видел ее смущенной, без малейшего колебания приступала она к постыдной службе. Она была в состоянии, громко хохоча, отпускать остроумные шутки и тогда, когда ее колотили по голове. Сбрасывая с себя одежды, она показывала первому встречному и передние, и задние места, которые даже для мужа должны оставаться сокрытыми» (*Тайная история*, 9, 13-14) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.346). И Прокопий в ужасе восклицает: «В нее до безумия влюбился Юстиниан. Сначала он сошелся с ней как с любовницей, хотя и возвел ее в сан патрикии. Таким образом, Феодоре удалось сразу же достигнуть невероятного влияния и огромного богатства. Ибо слаще всего было для этого человека, как это случается с чрезмерно влюбленными, осыпать свою возлюбленную всевозможными милостями и одаривать всеми богатствами. И само государство стало воспламеняющим средством для этой любви. Вместе с ней он еще больше стал губить народ, причем не

только здесь [в Византии], но и по всей Римской державе» (*Тайная история*, 9, 30-32) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.348).

Прокопий специально подчеркивает, что эта преступная семейка злонамеренно создавала вокруг себя искаженное карнавальное пространство, под воздействием которого политика приобретала чудовищные формы. «Часто же, поменяв личину, они создавали видимость, будто расположение того и другого коренным образом изменилось. Тогда он считал необходимым наказывать венетов за их прегрешения, а она в притворном гневе делала вид, что недовольна, но уступает мужу против собственной воли... Строя подобные козни, они всегда пребывали в согласии между собой и, создавая видимость раздора, разъединяли своих подданных, прочно укрепляя таким образом свою тиранию» (*Тайная история*, 10, 17-18,23) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.352).

Прокопий не сомневается, передним самые настоящие демоны: «мне и большинству из нас они [василевс и василиса] представлялись вовсе не людьми, а какими-то демонами, погаными и, как говорят поэты, «губящими людей», которые пришли к согласию с тем, чтобы как можно легче и быстрее погубить род людской и его дела. Имея лишь облик человеческий, а по сути своей будучи человекоподобными демонами, они таким образом потрясли всю вселенную. Подтверждением этому служит наряду со многим другим размах совершенного ими, ибо деяния демонов и деяния людей отмечены глубоким различием. Конечно же, на долгом веку бывали люди, по воле случая или от природы совершившие нечто ужасающее. Одни из них в свое время низвергали города, другие – целые страны или что-либо еще, но стать погубителью для всего рода человеческого и бедствием для всей вселенной – этого не удавалось еще никому, кроме этих двоих» (*Тайная история*, 12, 13-16) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.358).

В самом Юстиниане, по утверждению Прокопия, «не было ничего от царского достоинства, да он и не считал нужным блюсти его, но и языком, и внешним видом, и образом мыслей он был подобен варвару.. Никакого постоянства власти не существовало, но весы правосудия колебались из стороны в сторону, склоняясь туда, куда влекла их большая тяжесть золота. Решения дворца обосновывались на рыночной площади, и там можно было найти лавки, где торговали не только судебными постановлениями, но и законодательством» (*Тайная история*, 14, 2,10) (Прокопий Кесарийский, 1993, стр.363, 364).

Сам по себе текст «Тайной истории» Прокопия является образцом карнавальной политической культуры. В нем образы исторических персон представлены как в демоническом, так и в сатирическом свете.

При этом автор пытается убедить своего читателя в том, что он говорит только правду, как на исповеди; что все им описанное есть сама достоверность.

ЛЕГЕНДА О КОРОЛЕ АРТУРЕ

В качестве примера исторического фейка, который стал легендой, можно назвать историю о британском короле Артуре. Мало того, что вся история о короле Артуре и рыцарях его круглого стола миф, легенда, политическая мистификация, так она еще обрастала и всевозможного рода скандальными подробностями опереточного характера. Это с начала и до конца высосанная история, много раз потом повторенная, дописанная и переписанная. В этой красивой истории мы обнаруживаем явную эстетику английского национального духа, и скрывают этику ее островного величия.

Истории о короле Артуре стоят не в рамках исторического текста, а на грани легенд и мифов. При этом сами исторические факты фрагментарны и неverified. Первая хроника, в которой упоминается имя этого героя, анонимная «История бриттов/*Historia Britonum*» (ок. 800 г.), приписанная некому Неннию (*Nennius*) (Ненний, 1984). Источником этой хроники служили народные валлийские предания («IV. Артуриана», §56). При этом сами же английские исследователи признают, что этот источник многократно редактировался и дополнялся. Поэтому говорить о его достоверности не приходится (Dumville, 1985).

В своей «*Historia Regum Britanniae*» Гальфрид Монмутский (*Galfridus Monemutensis*) (1100 – 1155) без зазрения совести приписал будущей Великобритании несколько исторических столетий, сочинив массу увлекательных историй о королях «темных времен» и их героических подвигах (Гальфрид Монмутский, 1984). Многие истории носят откровенно анекдотический характер (как, например, история рождения короля Артура или басня о мече в камне) и полностью укладываются в концепцию карнавальской политической культуры. Сочиненные им персонажи стали в последствии историческими лицами официальной английской истории: король Артур, чародей Мерлин, рыцари круглого стола и сам круглый стол к ним в придачу...

Куртуазная литература предала этим историческим фактам безмерное поэтическое расширение (Мэлори, 2019; Попова, 2003). В рыцарских романах мало кто обращал внимание на то, что победоносный король Артур успешно борется с саксами, которые в конечном итоге побеждают бриттов. Это история не победителей, а проигравших. Иными словами, все его победы были тщетны. Для

Британии Артуровский цикл послужил таким же национальным эпосом, как «Эдды» для Скандинавии, «Песнь о Нибелунгах» и «Беовульф» для Германии, Киевские и Новгородские былины для Руси.

Рассказанные о короле Артуре истории, отличаются повышенным содержанием скандальности. Причем скабрёзность многих историй может сегодня просто шокировать особо впечатлительного читателя. А чем больше скандалов, тем сильнее карнавальность, ибо политический карнавал питается скандальными историями. Поэтому Гальфрид Монмутский оценивается нами не как историк, а как сочинитель скандалов, коллекцию которых он и выдал за подлинную историю Британии. Это все равно, если бы Нестор Летописец включил бы в свою «Повесть временных лет» русские народные сказки былины, и убедил бы всех поверить в эти свои рассказы. У нас нет возможность пересказывать все детали этих скандальных походов главных героев Гальфрида Монмутского, но они до смешного напоминают современные «мыльные оперы». В этом смысле человек мало изменился за прошедшие столетия.

Легенды о короле Артуре имели очевидную цель подвести некую идеологическую базу под набиравший в то время культ западноевропейского рыцарства. Этим европейским дикарем следовало как-то окультурить и приучить к некому подобию дисциплины. Именно культ Артура и должен быть привить им эту культуру, а главное заставить рыцарей верой и правдой служить своему королю.

Помимо истории круглого стола, рыцари этого элитарного клуба в свободное время занимались поисками священного Грааля. Эти слова понимались буквально – была чаша тайной вечери, в которую затем Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа и эта чаша стала символом бессмертия и высшей мудрости. Но если понимать эту историю не буквально, а иносказательно, то окажется, что чаша святого Грааля – это не материальный объект, а некая духовная субстанция – символ духовной мудрости. И тогда выходит, что рыцари круглого стола искали не «столовый гарнитур», а занимались духовным совершенствованием. Чаша святого Грааля находится в нутрии самого человека. А все эти рыцарские истории всего лишь литературное прикрытие, носящая карнавальный политический характер для слабоумных и наивных читателей. Поэтому странствующий рыцарь это напоминает собой аскета-отшельника удалившегося в пустыню, для стяжания духовного совершенства. И их борьба с великанами и драконами является всего лишь аллегорией борьбы святого с демонами греха.

РЫЦАРСКИЕ ИДЕАЛЫ: ВОЙНА С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Рыцарские романы средневековья – наглядный пример того, как надо правильно играть в рыцарство. Рыцарство как феномен впервые появляется на страницах этих произведений, как некая сказочная история о идеальных (совершенных) воинах, героическая повседневность которых самым тесным образом переплетена с выполнением самой важной политической функцией феодализма – служению своему сеньору. Й. Хейзинга отмечал, что «рыцарский идеал постоянно оказывал влияние и на политические, и на общественные отношения и события. Даже тот, кто считает необходимым доискиваться экономических первопричин каждой войны эпохи средневековья, вынужден будет признать, что в методах ведения военных действий и в их результатах всякий раз ощутимо сказывается влияние рыцарского идеала» (Хейзинга, 1992а, стр.105).

В XII в. появляется светская куртуазная литература (рыцарская лирика и рыцарский роман), в которой были систематизированы и унифицированы рыцарские ценности, получившие идеалистический этический смысл. В это время рыцарство стало раскрываться как особая, хорошо разработанная форма жизни. В нем сознательно культивировался образ романтического прошлого, к истокам которого должна якобы вернуться современность (имеется в виду современность XII века). Возникло некое движение «возрождения» якобы утраченной рыцарской чести и совершенства. Й. Хейзинга отмечал, что «жизнь рыцаря есть подражание. Рыцарям ли Круглого Стола или античным героям...» (Хейзинга, 1988, стр.74).

В рыцарском поведении была заметна нарочито акцентированная аскетичность – благородство есть попрание всех пороков. Но рыцарская аскеза была видимой, формальной частью их кодекса поведения. «Повсюду, где рыцарский идеал исповедовали в наиболее чистом виде, особое ударение делали на аскетическом элементе. В период расцвета он естественно, и даже по необходимости, соединялся с идеалом монашества - в духовных рыцарских орденах...» (Хейзинга, 1988, стр.81). Отдельная тема, как соблюдались эти рыцарские и монашеские обеты! Уже в самом акте их многочисленных нарушений заложена некий элемент карнавальности – на словах одно, на деле – другое.

Помимо этого, рыцарство приобретало еще и спортивно-состязательный характер. Рыцарские турниры стали витриной рыцарства – игровые технологии «мирного времени».¹ Они представляли собой

¹ Традиционно считается, что родиной рыцарских турниров является Франция. (Флори 2006) Английский хронист Матвей Парижский под 1194 годом называет рыцарские турниры «галльскими боями» (лат. *conflictus Gallicus*). В самой Англии

торжественное действо, оформленное определённым образом. Центральным моментом этого регламентированного поединка была серия ритуальных схваток бойцов на холодном оружии. Демонстрация своего оружия и военных навыков стали важной составляющей профессиональной подготовки военного сословия (Виолле-ле-Дюк, 2003, стр.235). Создавались специальные кодексы организации и правила проведения рыцарских состязаний (Окшотт. 2007, стр. 177). В целом следует признать, что это был весьма травмоопасный вид «спорта». Поэтому у рыцаря всегда был выбор – или погибнуть на войне, или достойно умереть на турнире. Другим видом проявления рыцарства стали их дуэли (фр. *duel* < дат. *duellum* – «поединок», «борьба двух»). «В своей сущности дуэль есть ритуальная игровая форма, регламентирующая неожиданное убийство в припадке гнева из-за вспыхнувшей ссоры» (Хейзинга, 1992в, стр.110 - 112). И на турнирах, и на дуэлях рыцари погибали не меньше, чем в сражениях.

В рыцарском кодексе чести культивировалась верность своему идеалу, своему сеньору и своей даме сердца... Это всё его, без чего он не может быть как рыцарь. Й. Хейзинга следующим образом определял рыцарскую верность: «...одна из добродетелей действительно зародилась в сфере аристократической и агональной жизни воинства... ранней эпохи, а именно верность. Верность есть преданность какому-то лицу, делу либо идее, безусловная преданность, исключая всякие дискуссии о ее причинах и не допускающая сомнений в ее постоянной обязательности» (Хейзинга, 1992в, стр.123). И в этом пункте мы тоже встречаем двойное дно – предательство и измена были рутиной их повседневности.

Как свидетельствует политическая история, у рыцарства всегда есть две стороны – идеальная (благородная) и реальная (низменная). «В рыцарском идеале... стремление к добродетели преобладает над стремлением к счастью. Рыцарское призвание всегда альтруистично: это защита притесняемых, верность сюзеру, прославление Христианства» (Хейзинга, 1992а, стр.103). На страницах политической средневековой истории перед нами предстает звериный оскал этого чудовища из западноевропейской бездны. Это чудовище проливает море крови, разрушая города и даже целые страны. То, что учинили эти благородные сеньоры в 1099 г. при взятии Иерусалима, дает повод считать их сборищем западных дикарей (Фульхерий Шартрский, 2020). Английский король Ричард I не зря носил грозное прозвище «Львиное серд-

турниры распространились при короле Стефане Блуаском (1135—1154) (Клифан Колтман, 2007. С. 24).

це». Кровавый мясник стал героем рыцарских романов, хотя по профессии он должен был бы стать идеальным королем...

Воинское искусство требовало от рыцарей определенного эмоционального состояния. Сражение предполагала выплеск всех негативных эмоций, ярости, бешенства, неистовства, которым часто приписывался сакральный характер. Ф. Кардини пишет о «священное, божественное неистовство. Кто пал его жертвой, тот одержим богом» (Кардини, 1987, стр.111). И действительно, «в «темные века» (IV-VII вв. н.э.) для германской воинской культуры был важен термин *wut*, связанный с готским *woths* – «обуянный, бешенный». От него произошло имя языческого божества Вотан. Скандинавский вариант этого имени, Один, восходит к слову *odhr*, т.е. «неистовство, ярость»» (Соловьев, 1989, стр.273). Именно с этой избыточной яростью рыцари чаще всего и не справлялись, попадая в различные неприятные истории, не делавшие чести их воинскому сообществу. Благородство оставалось на бумаге, а подлость и жестокость пропитывала насквозь их повседневность. Ярость ослепляла и не позволяла разуму принять правильное решение. Именно из-за этой слепоты многие поплатились жизнью, поскольку ярость (темнота) одного натыкалась на ярость (мрак) других. Классический пример – нелепая смерть короля Ричарда I при осаде замка Шалю (Châlus) в 1199 г. (Флори, 2006).

РЫЦАРСКАЯ ИДЕАЛИЗАЦИЯ – КАРНАВАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ.

Исторически политики использовали карнавализацию для того, чтобы украсить свои серые будни и развлечь себя и других. Во многих источниках мы встречаем упоминание о такой смертельной болезни как скука. И с нею боролись, кто как мог. И самым лучшим средством (лекарством) от скуки был карнавал, маскарад.

Английская средневековая знать сама создавала себе развлечения историей - сочиняли героические легенды и через поколение уже все в эти мифы свято верили и они становились частью ментальной истории этой нации. Политический миф это очищенная от неудобных фактов реальность. Реальность имеет фактор абсолютности, то чего не имеет миф. Многие красивые истории представляют собой всего лишь устоявшийся в традиции миф. В таких историях «работает миф, легенда, чем правда. Правдой, если она неприятна, можно и пренебречь» (Басовская, 2020, стр.22).

Так, английские историки отмечают, что король Англии Эдуард I «Длинноногий» (1272 - 1307) был «продуктом рыцарского, аристократического общества». Он с юности пропитался духом рыцарских рома-

нов. «Больше всего король был счастлив на рыцарском турнире, на охоте в лесах или с соколом в долине рек, пируя в замке или в охотничьем домике, слушая менестрелей и арфистов, певших романтические баллады о сражениях, куртуазной любви, которые с возвращением цивилизации стали основной «пищей» грубых воинов-феодалов, завоевавших старые римские или легендарные земли западной Европы» (Брайант, 2001, стр. 48). В юности король пережил унижения нищетой – будучи принцем, он едва сводил концы с концами. Поэтому став королем, он сделал все, чтобы возместить этот ущерб. «Эдуард любил легенды о короле Артуре и его рыцарях, которые аристократия Англии и Франции переняла у кельтских бардов Бретани, Уэльса и Корнуолла. Сам он считал, что происходит от Брута Троянского и других легендарных паладинов древности... Эдуард учредил Круглые Столы по образцу артуровских, за которыми, по особым случаям, лорды королевства, красные и помятые после турниров, сидели на пирах, подражая обычаям Камелота» (Брайант, 2001, стр.48-49). Эти игры в короля Артура приводили к постепенному рождению имперской идеологии будущей Великобритании. Из мифа создавалась имперская идеология. Но то, что британцы просто помешаны на короле Артуре видно и сегодня.

Уже в этих традициях мы видим культ насилия, задрапированный рыцарским благородством. Решать свои проблемы посредством грубой силы со временем вошло в моду английских политических элит. И, чем бы была сегодня Англия, если бы в свое время ей не удалось изнасиловать половину мира? В итоге перед нами оказывается удивительная мозаика, состоящая из ужасной политической истории и великой культуры – мир Вильяма Шекспира оказывается переплетен и смешан с миром Ричарда Третьего... И это смешение и есть Англия во все времена. Здесь подлинное величие идет рука об руку с мнимым величием. *И если на сцене здесь раздувают из мухи слона, то за кулисами из слона делают муху...*

Участие в артуровских реконструкциях, создавала у короля Эдуарда I и его аристократии иллюзию существования иного, более совершенного, феодального мира. Мир диких английских нравов романтизировался и становился идеальной сказкой. Сами реконструкторы на время уходили жить в придуманный ими мир, который резко отличался от того, в котором они реально существовали. Они пытались продлить состояние пира до романтической бесконечности. Игры в короля Артура облагораживали самого короля Эдуарда. Его окружение начинало хотя бы на публике действовать в соответствии с выдуманном кодексом рыцарской чести, тогда как в повседневности они все еще были наследниками варварских времен.

Отметим, что реконструктор не реставратор и не обязан в точности восстанавливать то, что было. Реконструктор восстанавливает прошлое по своим собственным представлениям о нем. Поэтому реконструкция времен короля Эдуарда I - это не история раннего Средневековья времен короля Артура, а представление уже зрелого Средневековья. Это уже эпоха зрелого рыцарства, а не его начальные страницы развития. Вся история превратилась в протяженный по времени рыцарский турнир, который отчасти заменил политикам их политическую реальность. Король Эдуард даже разработал специальный «Устав», который регламентировал численность свиты, которую каждый рыцарь или барон мог привести с собой на рыцарский турнир и строго обязывая участников состязания использовать специально затупленное оружие (Кин, 2000, стр. 156).

Английская аристократия и в XX в. увлекалась «играми в живые картинки на исторические темы», благотворительные сборы от которых шли в пользу нуждающихся. Театральная имитация средневековья должна была напомнить аристократом XX в. об их блестящем прошлом, когда их привилегированный класс играл ключевую роль в политике и в культуре «доброй старой Англии» (Вудхаус, 2010, стр.121).

Многие короли с детства впитывали в себя атмосферу рыцарства. Так, дед Ричарда Львиное Сердце, «отец матери Гийом Аквитанский, был знаменитым трувером – исполнителем собственных стихов. Считается, что именно с него начинается век миннезэнга, время расцвета куртуазной культуры Юго-запада Франции. Прадед тоже был трубадуром, и оба они пользовались любовью и известностью» (Басовская, 2020, стр. 22-23). Но рыцарские идеалы были всего лишь идеалами. В реальной жизни наблюдался совершенно иной их тип поведения. Поэтому выдуманный (карнавальский) мир соседствовал и подменял объективный мир повседневности, весьма далекий от этих высоких идеальных отношений...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Политическое пространство Средневековья было насквозь пронизано тонкими струнами карнавальной политической культуры. Они возникали и исчезали только по им ведомым «законам» и традициям; они вплетались в повседневную жизнь и проявлялись в исключительных случаях (официальные торжества, победы и т.д.). В общем, эти традиции были не исключением из правила, а вплетались в сами правила. Карнавальные политические традиции Средневековья проявлялись в их склонности применять игровые технологии, в случае невозможности преодолеть сложной ситуации. Карнавальная политическая

культура в первую очередь проявляется в их склонности к ритуалам и придворному этикету, которые своим формализмом отчасти смягчали суровые будни их реальности.

Подобного рода игры приводили к превращению политики в абсурд, что означало отсутствие адекватной оценки действительности, появлению в практике откровенной ахинеи. Уровень их умственного развития не соответствовал сложности ситуации, которые требовали от них ответственного стратегического решения. Как решать их они не знали и начинали поэтому нести всякую «пургу» (в таком сознании постоянно «метет метель»!). Их мозг не справлялся с этим вызовом, поскольку проблема превышала их умственное развитие. Подобного рода правители пребывали в состоянии «разрушенного сознания». Это грань знания и незнания - когда ты не знаешь, но делаешь вид, что знаешь и потому множишь ошибку и глупости.

Как показывает опыт политической истории, политический карнавал - это многоликое явление, способное подчас принимать самые невероятные и причудливые формы. Карнавальная политическая девиация представляет собой сюр, искажающий политическую реальность. Политический карнавал мог разрастаться до невиданных размеров во время народных бунтов, когда восставшие начинали в своих организационных структурах копировать образцы действий элиты, на свой лад истолковывая мотивы их поведения, не понимая их истинного значения.

Список литературы

- Bastress-Dukehart, E. (2002). *The Zimmern Chronicle. Nobility, Memory, and Self-Representation in Sixteenth-Century Germany*. Aldershot: Ashgate.
- Dumville, D. N. (Ed.). (1985). *Historia Brittonum: The Vatican Recension* (Т. 3). Cambridge: D.S. Brewer.
- Johnson, J. H. (2011). *Venice Incognito: Masks in the Serene Republic* (Fletcher Jones Foundation Book in the Humanities). University of California Press.
- Басовская, Н. И. (2020). *Чопорная Англия*. Москва: АСТ.
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: «Художественная литература».
- Белкин, А. А. (б. д.). *Русские скоморохи*. Москва: «Наука».
- Брайант, А. (2001). *Эпоха рыцарства в истории Англии*. (Т. В. Ковалева & М. Г. Муравьева, Пер.). Санкт Петербург: Издательская группа «Евразия».
- Бретон, Г. (1993). *Истории любви в истории Франции* (Тт. 1–6). Москва: «Крон-Пресс».
- Виолле-ле-Дюк, Э. (2003). *Жизнь и развлечения в средние века* (М. Ю. Некрасова, Пер.). СПб.: Евразия.

- Вудхаус, П. Г. (2010). *Ваша взяла, Дживс!* (И. В. Шевченко, Пер.). Москва: АСТ: Астрель.
- Гальфрид Монмутский. (1984). *История бриттов. Жизнь Мерлина*. Москва: «Наука».
- Гаспаров, М. Л. (Ред.). (1975). Пир Киприана (Киприанов пир). В *Поэзия вагантов*. Л: «Наука».
- Гуревич, А. Я. (1984). *Категории средневековой культуры* (2-е изд.). М.: «Искусство».
- Гуревич, А. Я. (1990). *Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства*. Москва: «Искусство».
- Кавасила, Н. (1874). *Семь слов о жизни во Христе*. Москва: Паломник.
- Каплан, М. (2002). *Золото Византии* (Ю. Розенберг, Пер.). Москва: АСТ.
- Кардини, Ф. (1987). *Истоки средневекового рыцарства*. Москва: «Прогресс».
- Кесарийский, П. (1993). *Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. Москва: «Наука».
- Колтман, Р. К. (2007). *Рыцарский турнир. Турнирный этикет, доспехи и вооружение*. Москва: «Центрполиграф».
- Колязин, В. Ф. (2002). *От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья*. Москва: «Наука».
- Лотман, Ю. М. (2000). Выход из лабиринта. В У. Эко (Ред.), & Е. Костюкович (Пер.), *Имя розы. Заметка на полях «Имени розы»*. Эссе (стр. 650–659). Санкт Петербург: Симпозиум.
- Мальмсберийский, В. (1970). История английских королей. В *Средневековая латинская литература IV–IX вв*. Москва: «Наука».
- Морис, К. (2000). *Рыцарство* (И. А. Тогоевой, Пер.). Москва: Научный мир.
- Мортимер, Я. (2018). *Средневековая Англия. Путеводитель путешественника во времени*. Москва: Издательство Э.
- Мэлори, Т. (2019). *Смерть Артура*. Москва: ФТМ.
- Ненний. (1984). История бриттов. В А. С. Бобовича (Пер.), *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина* (стр.171–193). Москва: Наука.
- Попова, М. К. (2003). Легенда о короле Артуре в культуре елизаветинской Англии. В *Миф в культуре Возрождения* (стр.294–300). Москва: Наука.
- Соловьев, Ю. (1989). Рыцарство и юродство. К поэтике образа императора Павла Первого. В *Одиссей: Человек в истории* (стр.262–282). Москва: Наука.
- Флори, Ж. (2006). *Повседневная жизнь рыцарей в Средние века*. (М. Ю. Некрасова, Пер.). Москва: «Молодая гвардия».
- Хейзинга, Й. (1988). *Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах* (5-е-е изд.; Д. В. Сильвестрова, Пер.). Москва: «Наука».
- Хейзинга, Й. (1992а). *Об исторических жизненных идеалах и другие лекции*. Лондон: Overseas Publications Interchange.

- Хейзинга, Й. (1992b). *Ното Ludens. В тени завтрашнего дня*. Москва: «Прогресс».
- Черняк, И. (1991). Список пап и антипап. В Л. Н. Великовича (Ред.), *Католицизм: Словарь атеиста*. М: «Политиздат».
- Шартрский, Ф. (2020). *Иерусалимская история* (А. Н. Слезкина, Ред.). Санкт Петербург: Евразия.
- Эварт, О. (2007). *Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения* (А. Н. Анваера, Пер.). Москва: ЗАО «Центрполиграф».
- Юнг, К. Г. (1999). О психологии образа Трикстера. В П. Радин (Ред.), *Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи* (стр. 265–286). Санкт Петербург: Евразия.

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of François Rabelais and popular culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatury (In Russian).
- Basovskaya, N. I. (2020). *Choporic England*. Moscow: AST (In Russian).
- Bastress-Dukehart, E. (2002). *The Zimmern Chronicle. Nobility, Memory, and Self-Representation in Sixteenth-Century Germany*. Aldershot: Ashgate.
- Belkin, A. A. (b. d.). *Russian Skomorokhi*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Breton, G. (1993). *Histories of Love in the History of France* (Vol. 1-6). Moscow: Cron Press (In Russian).
- Bryant, A. (2001). *The Age of Chivalry in the History of England*. (T. V. Kovaleva & M. G. Muravyova, Transl.). Saint. Petersburg: Eurasia Publishing Group (In Russian).
- Caesarius, P. (1993). *War with the Persians. War with the Vandals. A secret history*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Cardini, F. (1987). *Origins of medieval chivalry*. Moscow: Progress (In Russian).
- Chartresky, F. (2020). *Jerusalem History* (A. N. Slezkina, Ed.). Saint Petersburg: Eurasia (In Russian).
- Coltman, R. K. (2007). *The Knight's Tournament. Tournament etiquette, armor and weapons*. Moscow: Tsentrpoligraf (In Russian).
- Cherniak, I. (1991). The list of popes and antipopes. In L. N. Velikovich (Ed.), *Catholicism: An Atheist's Dictionary*. Moscow: Politizdat (In Russian).
- Dumville, David. N. (Ed.). (1985). *Historia Brittonum: The Vatican Recension* (Vol. 3). Cambridge: D.S. Brewer.
- Ewart, O. (2007). *The knight and his castle. Medieval Fortresses and Siege Structures* (A. N. Anvaera, Trans.). Moscow: ZAO Tsentrpoligraf (In Russian).
- Fleury, J. (2006). *The Everyday Life of Knights in the Middle Ages*. (M. Yu. Nekrasova, Trans.). Moscow: "Young Guard" (In Russian).
- Galfrid of Monmouth. (1984). *A History of the Britons. The life of Merlin*. Moscow: Science.

- Gasparov, M. L. (Ed.). (1975). *Kiprian's Feast* (Kiprian's Feast). In *Poetry of the Vagantes*. Leningrad: Nauka (In Russian).
- Gurevich, A. Y. (1984). *Categories of medieval culture* (2nd ed.). Moscow: "Art" (In Russian).
- Gurevich, A. Y. (1990). *The Medieval World: Culture of the Silent Majority*. Moscow: "Art" (In Russian).
- Heisinga, J. (1988). *Autumn of the Middle Ages. A Study of the Forms of Life and Forms of Thought in the Fourteenth and Fifteenth Centuries in France and the Netherlands* (5th ed.; D. V. Sylvestrov, Trans.). Moscow: Nauka (In Russian).
- Heisinga, J. (1992a). *On historical ideals of life and other lectures*. London: Overseas Publications Interchange (In Russian).
- Heisinga, J. (1992b). *Homo Ludens. In the shadow of tomorrow*. Moscow: Progress (In Russian).
- Johnson, J. H. (2011). *Venice Incognito: Masks in the Serene Republic (Fletcher Jones Foundation Book in the Humanities)*. University of California Press.
- Jung, K. G. (1999). On the psychology of the Trickster image. In P. Radin (Ed.), *Trickster. A Study of the Myths of the North American Indians with Commentaries by C.G. Jung and K.K. Kerényi* (pp. 265-286). Saint Petersburg: Eurasia (In Russian).
- Kaplan, M. (2002). *Gold of Byzantium* (J. Rosenberg, Trans.). Moscow: AST (In Russian) (In Russian).
- Kavasila, N. (1874). *Seven words on life in Christ*. Moscow: Pilgrim (In Russian) (In Russian).
- Kolyazin, V. F. (2002). *From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Square Scene of the Early and Late Middle Ages*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Lotman, Y. M. (2000). Exit from the labyrinth. In U. Eco (Ed.), & E. Kostyukovich (Ed.), *The Name of the Rose. A note in the margins of The Name of the Rose. Essays* (pp. 650-559). SPb: Symposium (In Russian).
- Malmesbury, W. (1970). The history of the English kings. In *Medieval Latin Literature of the IV-IX centuries*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Malory, T. (2019). *The death of Arthur*. Moscow: MTF (In Russian).
- Maurice, C. (2000). *Chivalry* (I. A. Togoeva, Trans.). Moscow: Scientific World (In Russian).
- Monmouthian, G. (1984). *The history of the Britons. The life of Merlin*. Moscow: "Science" (In Russian).
- Mortimer, J. (2018). *Medieval England. A time traveler's guide*. Moscow: E. Publishers (In Russian).
- Nennius. (1984). The history of the Britons. IN A. S. Bobovich (Trans.), *Galfrid of Monmouth. A History of the Britons. The life of Merlin* (pp. 171-193). Moscow: Science (In Russian).
- Popova, M. K. (2003). The Legend of King Arthur in the Culture of Elizabethan England. In *Myth in the culture of the Renaissance* (pp. 294-300). Moscow: Nauka (In Russian).

- Soloviev, Y. (1989). Chivalry and foolishness. To the poetics of the image of Emperor Paul the First. In *Odysseus: Man in History* (pp. 262-282). Moscow: Nauka (In Russian).
- Viollet-le-Duc, E. (2003). *Life and Entertainment in the Middle Ages* (M. Y. Nekrasova, Trans.). St. Petersburg: Eurasia (In Russian).
- Woodhouse, P. G. (2010). *Your take, Jeeves!* (I. V. Shevchenko, Trans.). Moscow: AST: Astril (In Russian).